

Сибирский Отдел Госуд. Русского Географич. О-ва.

Очерки

ПО ЗЕМЛЕВЕДЕНИЮ СИБИРИ.

Вып. 3-й.

1926.

121481

(523)

Топограф Александр Зандгаген, участник Вилюйской экспедиции ВСОРГО.

Гуляя как то по Перусалимскому кладбищу г. Иркутска, мы натолкнулись на скромный памятник из белого мрамора в виде креста (он находится в западной части кладбища близ семейных погребений Трапезниковых), на одной стороне которого мы прочитали: «Сей памятник поставлен Сибирским Отделом Императорского Русского Географического Общества над прахом А. Зандгагена в знак искренней признательности за его ревностные труды по землеведению Восточной Сибири. 1857 г.»; на другой стороне имеется надпись: «Возобновлен 1886 г. Июля 24 дня. М. Зандгаген».

Мы, русские, не всегда благодарны к памяти наших выдающихся людей и нужны какие нибудь особенные заслуги, чтобы современники и то после смерти—отметили их.

Мы кое что немногое собрали о деятельности теперь забытого исследователя В. Сибири и излагаем это в нижеследующих строках.

Александр Кондратьевич Зандгаген приехал в В. Сибирь в 1853 г. молодым человеком и умер через три года, 8 мая 1856 г., от болезней, приобретенных во время ученых экспедиций вследствие крайних трудов и лишений, связанных с ними.

Р. Маак, начальник экспедиции в Амурский край, в которой участвовал и Зандгаген, в следующих словах почтил его память: «Я считаю священной обязанностью прежде всего помянуть добрым словом моего постоянного сотрудника во все время путешествия прапорщика корпуса топографов Зандгагена, который много содействовал исполнению возложенных на экспедицию поручений; этот талантливый молодой человек, пользовавшийся искренним уважением и любовью всех, кто его знал, трудился с истинным самоотвержением, чтобы обеспечить успех нашей поездки и вскоре по возвращении нашем в Иркутск, пал жертвою своего усердия: здоровье его, уже ослабленное предшествовавшими работами, окончательно расстроилось в этой поездке и он скончался в Иркутске. Не смотря на множество неблагоприятных обстоятельств, затруднявших наши работы, Зандгаген первый составил довольно подробную карту пространства, которое мы проехали, а каждый знает, как важна хорошая карта посещенных земель для всякого ученого путешествия. Сверх того этот неутомимый человек находил еще возможность в свободное от исполнения своей обязанности время деятельно помогать мне в собирании естественно-исторических коллекций; многими из привезенных мною интересных предметов я обязан его усердию и меткой стрельбе» (Путешествие на Амур, соверш. по распоряжению Сибирского Отдела И.Р.Г.О. в 1855 г. Мааком. Изд. чл. сотрудн. Сиб. Отд. С. Ф. Соловьева. Сиб. 1859 г., предисловие).

История пребывания г. Зандгагена в В. Сибири такова. В начале 1852 г. д. чл. Отдела Меглицким и чл. сотрудником Мааком был доложен на общем собрании проект экспедиции в Вилюйский край, мало до тех пор ис-

следованный; для обсуждения проекта был учрежден комитет, одобрявший его; начальником экспедиции был назначен г. Маак, но экспедиция вследствие неполучения от Совета Географического Общества необходимых инструментов не могла выехать летом этого года.

На общем собрании Отдела 21/V—53 г. было доложено сообщение Совета Географического Общества об отправлении в Иркутск корпуса топ. прапорщика Зандгагена с инструментами для Вилюйской экспедиции на сумму в 450 р., который как раз к этому заседанию и прибыл. Однако, выезд всей экспедиции снова был отложен до лета следующего (1854) г., но Зандгаген с препаратором Отдела Фурманом был командирован для предварительного расследования верховьев р. Вилюя через с. Сунтарское до устья р. Мархи. При этой рекогносцировке г. Зандгаген в течение 7 месяцев осмотрел уже ранее известное месторождение каменной соли на р. Кемпневдйке и сделал много поправок к карте системы Вилюя и Н. Тунгуски. Он пробыл в этой рекогносцировке до декабря 1853 г., не вернулся в Иркутск, а дождался экспедиции в Якутске.

Весною 1854 г. все было готово для отправления Вилюйской экспедиции, за исключением... денег; пожертвование 1000 р. ч. соревн. Отдела С. Ф. Соловьевым на экспедиционные расходы спасло положение—она выступила; вся экспедиция обошлась отделу до 5000 р. Кроме того на экспедицию поступило пожертвование от д. чл. Диннеса, снабдившего ее всеми необходимыми медикаментами.

В заседании отдела 25/X—54 г. было доложено отношение Маака из Вилюйска от 5/VII—т. г., где он писал, что достиг Вилюйска с большими затруднениями по случаю необыкновенного разлития р. Вилюя. На урочище Тасе на р. Хаынгае экспедиция была разделена Мааком на две партии; Зандгаген остался в партии начальника экспедиции, отправившейся 21/VIII 54 г. к верховьям р. Оленека, затем на Сюрюнду, устье р. Чоны, чтобы затем отсюда вниз по р. Вилюю достигнуть с. Сунтарского. Вторая партия под начальством Павловского (учителя из Якутска) должна была по р.р. Хаынгаю, Мархе, Маркоку, Ыгетту и Вилюю дойти до того же селения для встречи с первой.

В своем письме Отделу от 23/XII—54 г. (засед. 15/II—55 г.) г. Павловский доносил, что он благополучно исполнил свою задачу, но в Сунтаре он первой партии не нашел, хотя назначенный для ее путешествия местными знатоками края якутами трехмесячный срок давно уже истек и по собрании всех сведений от местных жителей не было получено о ней никаких известий. Более всего беспокоило г. Павловского то, что г. Маак взял с собою продуктов менее чем на 3 м.; запасы же его партии в Сунтаре также истощились, так что он прокармливается местными жителями в долг. Павловский получил от покровителя Отдела П. Н. Муравьева 500 р. для расплаты и уехал в Якутск, оставив в Сунтарском из своей партии препаратора Отдела Фурмана с естественными коллекциями.

Р. Маак с своей партией после чрезвычайно трудного 4¹/₂ месячного путешествия (4/I—55 г.) прибыл в с. Сунтарское и затем вместе с Зандгагеном и Фурманом 9/II возвратился в Иркутск.

В заседании Отдела 6/III—55 г. Маак сделал краткое сообщение о выполнении экспедицией ее задач. Составленный еще в Иркутске маршрут не мог быть выполнен по оснеженному времени, худым кормовицам и природным преградам края, особенно скалистости и неприступности берегов р. Мархи, при чем даже охотники тунгусы совершенно не знали этой местности. Поэтому из В.-Вилюйска к р. Оленеку пришлось идти по тропе, по которой лишь зимою проходят тунгусы с оз. Жосея да изредка миссионеры.

Оленей было мало, да часть их уже пала от утомления и трудности пути, почему на них везли только припасы, а сам Маак, Зандгаген и проводники прошли до Оленека—400 вер. пешком, делая 20—25 вер. в день. На р. Оленеке партия раздобылась свежими оленями, но путь до Сунтарского был совершен при тех же трудных условиях. Якуты далеко ошиблись в сроке—даже 4-хмесячного срока оказалось мало для путешествия Маака: наступила глубокая зима, морозы стояли все время выше 60°Ц., снегу было более 5-ти четвертей арш., олени грузли в снегу, экспедиция двигалась по 5 в. в день едва проходимыми местами. Страдания путешественников были невероятны, спали на открытом воздухе, одежда изнашивалась, припасы были на исходе; стальные топоры при ударе о дерево разлетались в куски, как если бы они были сделаны из льда. Ртуть давно замерзла и при всем том Маак и Зандгаген находили возможным делать научные наблюдения, производить съемки и т. п. Воздух был наполнен иглистыми ледяными кристаллами, резавшими и коловшими лицо, руки. «Холодная дрожь пробегает по телу, кровь пепеет в жилах при одном воспоминании» писал впоследствии Маак.

В с. Сунтарском экспедицию считали погибшей да и сами путешественники отчаялись уже выбраться из тайги—и вдруг они попали на след двух охотников на лыжах и были спасены. Через 3 дня они сидели в тунгусских чумах на р. Чоюе. 45 дней тянулось это тяжелое странствование при вышеописанных условиях, а вся экспедиция—13 месяцев, при чем пройдено было 8.000 верст. Экспедиция обозрела пространство между городами Киренском, Олекминском и Якутском, устьем Ангары и г. Вилюйском—всего 436.000 кв. верст. Экспедицией была составлена этнографическая карта этого обширного пространства и собраны богатые материалы по этнографии Вилюйских якутов, тунгусов и мн. т. п. В заключение своего доклада г. Маак выразил свою особенную признательность г. г. Зандгагену и Павловскому за их особенное усердие к делам экспедиции и отличное исполнение всех возложенных на них поручений. Но, конечно, выше всякой похвалы был сам руководитель экспедиции г. Маак, что тут же отметил Н. Н. Муравьев, особо благодаривший г. Зандгагена за представленные им в заседании географические карты и съемки, а именно: 52 л. маршрутных карт в 5-ти верстовом масштабе течения р.р. Чоюи и Вилюя от д. Анкулы до устья Вилюя, от В. Вилюйской Управы до р. Оленека и от оз. Сюрюнды до устья р. Дзянтуйки, старой почтовой дороги от урочища Люксугунь до г. Вилюйска, от с. Сунтара до г. Олекминска, от Якутска до р. Кюрги и от Сунтара по р. Кемпендьяйке до гор каменной соли; карты Н. Тунгуски и планов городов Якутска, Вилюйска, Олекминска, 4 книжек путевого журнала с видами природы и этнографическими очерками туземцев р. Вилюя.

Доклад г. Маака обрисовал вкратце тяжелые условия краеведческой работы в Сибири 75 лет тому назад. Но эти беды выпадали не на одну Вилюйскую экспедицию. Одновременно с ней в В. Сибири работала Сибирская экспедиция ИРГО; на берегах р. Витима летом в 1856 г. работал подпоручик корпуса межевых инженеров Смирягин, прикомандированный к упомянутой экспедиции для определения астрономических пунктов по этой реке; ему не удалось спуститься от ее верховьев на лодке, почему он с вьюками на оленях двинулся в путь; выше устья р. Бомбуйка, на левом берегу Витима, на песчаном обрыве, он остановился на ночлег с спутником—казак и двумя проводниками (тунгусом и ороченем); во время сна Смирягин и казак были убиты с целью грабежа проводниками, а тела их были сброшены с утеса в р. Витим (см. «Астроном, определение в Баргузинско-Витимской тайге в 1904 г.», Изв., т. XI, II, 1911 г.).

Подобно Зандгагену многие исследователи утрачивали в тайге здоровье, напр., инженер Лопатин, затем топограф Нахвальный, Ксенжнопольский—

участники Тунгусской экспедиции Чекановского, Юринский, исследователь коммерческих перспектив Амурского края и мн. др.

В том же заседании Отдела, где сделал свое сообщение г. Маак, д. чл. Сельский прочел составленный им проект Амурской экспедиции Сиб. Отдела, долженствовавшей выступить весной того же (1855) года. Издержки на эту экспедицию принял на себя тот же С. Ф. Соловьев, пожертвовавший для этого полнуда золота (около 6½ тысяч руб.) с своих приисков в Олекминской системе. На экспедицию возлагалось тщательное во всех отношениях обследование долины р. Бурей, хребта Хинган-Оола, бассейна р. Амгуна и Амура. Начальником экспедиции был назначен все тот же неутомимый Маак с теми же его неизменными сотрудниками Зандгагеном и Фурманом.

Всего 4 года прошло от присоединения Амурского края к России; он был не только мало населен, но на громадных пространствах и вовсе еще лишен населения, при том еще разбегавшегося при появлении никогда невиданных русских, про которых китайцы распускали всевозможные слухи, так что иногда нельзя было достать самого необходимого продовольствия. По этим причинам центральное правительство предписало экспедиции заняться обследованием только самого Амура от Усть-Стрелочного караула до Маринского поста (с. Маринское) и по тем же причинам оно также было обставлено всевозможными трудностями, хотя может быть меньшими, чем Вилюйская экспедиция. Из сообщения председателя Отдела Венцеля на заседании 20 I—56 г. видно, что экспедиция обратный путь вверх по Амуру могла совершить из за встретившихся затруднений только в половину и при том пешком, причем имущество экспедиции следовало на лодке, зимовала в китайском городке Сахалян-Ула-Хотоне и что 31 XII—55 г. в Иркутск неожиданно прибыл один Зандгаген с просьбой о вырубке экспедиции, о распоряжении выслать из Усть-Стрелочного караула лошадей на помощь Мааку; 17 I—56 г. прибыли, наконец, в Иркутск Маак и Фурман с коллекциями.

Таким образом, состав экспедиции без всякого отдыха после Вилюйской отправился в новую—Амурскую, не имея времени привести в какойнибудь порядок коллекции и приготовить к изданию труды первой Вилюйской, что и отразилось печальным образом на дальнейшей их судьбе.

Из Амурской экспедиции г. Зандгагеном были представлены 17 листов маршрутных карт течения р. Амура, планы городов Сахалян-Ула-Хотона и древнего Албазина, 3 книжки путевого журнала с теми же приложениями, как и по Вилюйской экспедиции.

Летом 1856 г. Маак, взяв с собою преп. Фурмана, уехал по распоряжению Отдела в С.-Петербург для составления и печатания отчетов по экспедициям; к пожертвованному г. Соловьевым золоту присоединилось пожертвование 300 р. от чл. сот. Кузнецова.

В заседании Отдела 15 V—56 г. было доложено о производстве Зандгагена за заслуги по Вилюйской экспедиции в подпоручики корп. топографов, Фурман был награжден серебряной медалью «за усердие», С. Ф. Соловьев—таковой же золотой.

Это внешнее отличие не застало уже Зандгагена в живых—он умер за неделю перед тем внезапно в день отъезда на р. Витим, будучи назначен в состав Сибирской экспедиции на место погибшего Смирягина.

Архив Отдела сгорел в пожар 1879 г. и мы не знаем точно причины смерти Зандгагена и как реагировали члены Отдела на потерю столь скромного и вместе замечательного труженика науки. В «Кратком обзоре деятельности Сиб. Отдела с 1851 по 1861 г.» в финансовой его части указана сумма расхода «141 р. 65½ коп. на погребение тела подпоручика Зандгагена»;

но краткая надпись на его памятнике говорит нам о благодарности очевидцев его самоотверженных трудов на пользу земледелия В. Сибири.

В отчете отдела за 1873 г. отмечена смерть другого исследователя В. Сибири пр. Фурмана; он умер в марте 1873 г. на ст. Нохтуйской на р. Лене; он после двух упомянутых экспедиций участвовал в Таймырской экспедиции Миддендорфа, полк. Ахте—от р. Шилки до верховьев Алдана, Меглицкого по обследованию берегов оз. Байкала и Саянского хребта, Мажного—к верховьям Енисея и Усы и др.

Р. Маак за заслуги по Вилюйской экспедиции был награжден орденом и пожизненной пенсией в 300 рублей в год, по Амурской экспедиции—орденом.

Работа Маака в Петербурге по обработке материалов двух экспедиций к печатанию была прервана руководством в 1859 г. еще одной экспедиции Сиб. Отдела—так называемой Уссурийской, средства на которую были пожертвованы «от неизвестного» (повидимому г. Веретенникова) в размере 3 тысяч рублей и 500 р. от г. Прейна.

Отдел не имел вообще средств на большие исследовательские и издательские работы; С. Ф. Соловьев еще пожертвовал до 25 тысяч руб. на издание трудов Амурской экспедиции и был почтен благодарственным адресом от Отдела за подписью всех его членов; он же выразил желание дать средства на предполагавшуюся Отделом Урянхайскую экспедицию, но правительство нашло ее несвоевременной.

Р. Маак занялся, конечно, в первую очередь изданием Амурской экспедиции, на которую у Отдела были уже деньги, а Вилюйская осталась в тени, так как у Отдела не было на ее издание необходимых средств—требовалось около 5 тысяч р.

Так прошли все 60-тые годы; в отчете за 1870 г. мы читаем, что на издание Вилюйской экспедиции Отделом уже затрачено до 8 т. рублей, материалы же все еще не окончены разработкой г. Мааком, на что последний заявил, что он уже приступил к разработке дневников и скоро передаст их в Отдел для печатания.

Пока шли эти пререкания, Маак уступил материалы Вилюйской экспедиции для разработки специалистам; так гербарий в 352 вида, хранившийся в Академии Наук, был обработан Мейнстаузеном в сочинении «Вилюйский округ и его растительность» (на нем. яз., изд. А. Н., 1871 г.).

К этому сочинению приложена карта (80 вер. в д.) Вилюйского округа, составленная по листам Зандгагена, как это выясняется из рецензии на труд г. Мейнстаузена (Изв. Сиб. Отдела, т. III, № 1, стр. 57); из нее мы узнаем также, что гербарий, собранный Павловским, находился в то время в Музее Московского Университета.

Из отчета Отдела за 1872 г. видно, что дублиеты из коллекций Вилюйской экспедиции были г. Мааком отобраны и переданы в Музей И. Р. Г. О., где названы «прекрасными» (История полувековой деят. Об., ч. I, с. 181).

В 1873 г. (Изв., т. IV, № 1 и 2) появилось наконец через 20 лет первое печатное сообщение о результатах злополучной Вилюйской экспедиции, а именно «Заметка о Вилюйском крае» А. Павловского, спутника Маака и Зандгагена; автор говорит, что покидая Сибирь, он желал бы хоть что-нибудь обнародовать об этом крае, что свои ботанические и др. наблюдения за время Вилюйской экспедиции он впоследствии пополнил и в таком виде обнародовал; из его статьи мы узнаем, что повидимому некоторыми материалами экспедиции уже воспользовался ак. Миддендорф (Путешествие на Север и Восток Сибири). Автор также упоминает о трудностях путешествия по Вилюйскому краю.

К 1879 г. Отдел кое-как собрал средства и Маак издал первую часть трудов Вилюйской экспедиции в Петербурге и издание наконец то лежало на складе Отдела; но в пожар этого года оно со всем имуществом его стorerело без остатка, средств же на переиздание первой части у Отдела ввиду пожара не было никаких. Г. Маак приложил все старания уже от себя к обнаругованию трудов экспедиции, у министра Нар. Прос. Делянова он хлопотал средства на стереотипное переиздание в 1883 г. первой стorerешей части «Вилюйский Округ Якутской Области», на издание второй части в 1886 г. и третьей части в 1887 г. по его же ходатайству М.В.Д. Толстой отпустил необходимые средства, так что все три части трудов экспедиции вышли в свет не под фирмой отдела, но по всей справедливости должны быть причислены к его изданиям.

В виду того, что Вилюйская экспедиция была первой экспедицией Отдела, мы считаем нужным сказать несколько слов о ее результатах.

Р. Маак в введении к части 1-й говорит, что она была снаряжена Отделом ввиду сведений о богатстве Вилюйского округа железными и соляными залежами, золотом и драгоценными камнями, но собственно на Маака было возложено исследование ее в естественно-историческом, этнографическом, статистическом и метеорологическом отношении, а картографические работы были поручены Зандгагену.

Первая часть «Вилюйского округа Якутской области» посвящена метеорологическим результатам экспедиции. Автор использовал, во первых, наблюдения свои, Павловского и Зандгагена во время экспедиции, затем обширный архив Отдела, и, наконец, записи и наблюдения исследователей на местах, в глухой таежной глуши, как напр., г. Худякова в Верхоянске, в Ср. Колымске г. Анотовского, Неверова и Якутске и т. д. Метеорологические таблицы занимают 209 стр.; первая часть заканчивается выводами в виде статьи «О климате Якутской области» (211—284 стр.), разбитой на отделы: 1) Высшие и низшие температуры (самым холодным пунктом оказался Верхоянск— $50,2^{\circ}\text{R}$). 2) О майских возвратах (весенних заморозках) между 16-27 мая, которые автор склонен приписать С., С.-В. и В. холодным ветрам. 3) О первых и последних морозах; в Якутске, напр., число теплых безморозных дней, вернее суток, равняется $85 (2/\text{VI}—26/\text{VIII})$ в среднем; в других местах области условия менее благоприятны—число безморозных дней менее. 4) Общие замечания о температура воздуха. За исходную точку своих суждений автор берет заключение Миддендорфа «Якутск есть недосыгаемый образец материкового климата»; не соглашаясь с ним, автор говорит, что горная страна к С. З. от Якутска (между 64° и 67° с. ш.) гораздо суровее; что же касается собственно Вилюйского округа, то климат его несколько мягче Якутского. 5) О температуре почвы. Исследователь вполне естественно заинтересовался вечной мерзлотой, но быстрый темп путешествия, невозможность возить с собою громоздкие буровые инструменты и даже неимение хороших термометров лишили его возможности заняться этим вопросом; в Якутске он скускался с термометром в знаменитую Шергинскую шахту; о ней он сообщает следующее: якутский купец Федор Шергин начал рыть колодец в 1829 г.; через год глубина его достигла 105 англ. футов; воды не было и следов, стены же его состояли из сплошь мерзлой почвы; в 1821 г. он уже хотел бросить работы, но к счастью Якутск посетил Врангель и убедил Шергина, ввиду громадного значения для науки этой работы, продолжать ее насколько возможно: к 1837 г. глубина шахты достигла 384 англ. футов, на чем работы и остановились. Эту шахту посещали многие путешественники—Эрман, Злобин, Миддендорф и др. 6) Ледяные долины—тарыны. 7) О толщине льда. 8) О замерзании рек. 9) Вскрытие рек и озер. 10) О разливах. В последних отделах Маак сообщает много интересных наблюдений и сведений об эконо-

мическом значении описываемых им явлений природы. 11) О влажности воздуха. При громадных водных богатствах Вилюйского края (озера, болота) атмосфера его летом содержит большое количество водяных паров, доходящих до полного насыщения; зимою наоборот воздух вследствие замерзания почвы и водоемов необычайно сух. Но вместе с тем странную противоположность этой сухости представляют зимние туманы края, которые автор объясняет последнею влагою, выжимаемую, так сказать, морозами из земли и близостью С. Ледовитого океана. 12) Дождь и снег. Г. Маак в этой главе пишет, что подмеченный климатологами общий закон—значительное возрастание сухости воздуха Евразии по мере удаления от берегов Атлантического океана на восток, в глубь материка, и затем заметное уменьшение этой сухости приблизительно от берегов Лены к Тихому океану,—подтвердился и его наблюдениями. 13) Град—в метеорологических известиях об Якутской области до Вилюйской экспедиции вообще не был отмечен и в науке даже существовало мнение, что град севернее 60° с. ш. не выпадает. Наблюдения членов экспедиции показали, что град вовсе не редкость до 67° с. ш. 14) Грозы. Относительно их выведен уже давно закон, что грозы убывают в числе от экватора к полюсам. Наблюдения и вычисления г. Маака уточнили этот закон, именно, число гроз в Якутской области уменьшается к С. с каждым градусом широты в 1,2 раза. 15) Тяжесть воздуха и направление ветра. В этой главе разбросано много интересных наблюдений, замечаний и выводов, подтверждающих многие законы, данные авторитетами в этой области. 16) Состояние неба. В конце своих исследований по этому вопросу автор приводит таблицу дней в году, освещенных солнцем (стр. 286). Вилюйск—263, Вознесенский прииск—219, Якутск—218, Верхоянск—199.

К первой части приложена изотермическая карта Якутской области; Маак пишет, что для нанесения геотермических линий он пользовался составленною В. топографическим Отделом Гл. Штаба подробною картою В. Сибири, в которую вошли и собранные Вилюйскою экспедицией данные. Он также упоминает (в начале I части), что некоторыми из них воспользовались для своих научных выводов академики Шренк и Вильд. Принимая во внимание обширность обследованной экспедицией территории (она равняется Германии и Франции вместе взятым), краткость времени и неблагоприятные условия (осень и зима) ее работ, следует признать, что она выполнила свою задачу вполне удовлетворительно. Она обследовала много пространств, непосещенных еще ни одним ученым, точно также как многие из них никем не были посещены вторично.

Вторая часть трудов экспедиции составляет том в 460 стр. слишком с многочисленными рисунками, планами, маршрутами, картами. Она начинается изложением (на 2—132 стр.) самого путешествия г. Маака по р. Вилюю и его большим притокам, снабженным 23 рисунками, планами. Здесь автор среди топографического описания края разбросал множество сведений исторических, этнографических и др. о коренных (тунгусах и якутах) жителях края и о пришельцах-русских. Изложение автора чрезвычайно живое, пересыпанное эпизодами из многотрудного путешествия экспедиции, описаниями быта местного населения, его суеверий, картин природы,—дает ясное понятие об этом далеком и забытом крае, который после Вилюйской экспедиции не был более подвергнут изучению столь подробному, и в крупном масштабе, как г. Мааком с сотрудниками.

Далее следуют «материалы для изучения фауны Вилюйского округа», где описано 34 вида млекопитающих с новыми для науки сведениями об их распространении, размножении, и т. п.; затем птицы—121 вид, пресмыкающиеся—2 вида, земноводные—2 вида, рыбы—18 видов; затем безпозвоночные—насекомые: а) жесткокрылые—121 вид, из них 42 новых вида; б) ба-

бочки—34 вида, из них 4 новых, в) пауки—135 видов, 9 новых, г) многоножки—1 новый вид, д) ракообразные—4 вида, 1 новый; е) черви—6 видов, ж) моллюски—18 видов. «Материалы по флоре Вилюйского округа»; о них автор говорит, что растения, собранные им и Фурманом в 1853 г. в области ср. течения Вилюя, от устья р. Чоны до Вилюйска, в числе 352 видов и небольшая коллекция семян, собранных Павловским близ р. Ыгетты, хранятся в музее Академии Наук. Из растений 154 вида новые для края. Коллекция Павловского, собранная им в 1865 г. в Вилюйском округе, находится в музее Московского университета, включает 163 вида, из них 25 новых видов. Наконец, в Академии Наук хранится коллекция 124 видов (новых 29), собранная Мааком и Штубендорфом в окрестностях Олекминска и Киренска. Флоре отведено 116 стр., на которых автор сообщает сведения также о лесных богатствах края. Между 294 и 295 стр. помещена хромолитографическая таблица с изображением нового вида *Euphorbiae*, которую г. Meinhäuser назвал в честь автора *Euphorbia Maackii Meinh.*

Стр. 317—368 отведены материалам для изучения геологии и минералогии Вилюйского округа. Эту главу автор начинает опровержением общераспространенного мнения о богатстве Вилюйского округа драгоценными камнями и говорит, что истинное богатство его заключается в железных рудах, а особенно каменной соли. Поэтому Кемпендйская соль описана им подробно, но главным образом соляные ключи, в морозы выделяющие большие количества—соли. Нельзя не отметить, что задолго до г. Маака и по настоящее время идут разговоры о добыче этой самосадочной (мокрой) соли и даже о выварке ее из ключевых рассолов в то время, как рядом находится залежь великолепной каменной соли до 50 с. высоты и 150 с. длиной.

Далее имеется статья акад. Ф. К. Шмидта о коллекции окаменелостей, доставленной экспедицией; один из трилобитов в честь г. Павловского назван его именем (*Avonocare Pawlowskii* стр. 357). Разбираемая 2 часть кончается планами, картами и маршрутами, составленными большей частью Зандгагеном. В самом конце помещен чрезвычайно ценный «указатель географических пунктов по р. р. Нижней Тунгуске, Оленеку и Вилюю и по их сторонам» на 107 страницах в 2 столбца, содержащий около 4200 названий живых урочищ, гор, стойбищ и т. п. преимущественно на местных языках, представляющий целый клад для этнографических, хорографических и др. исследований.

Третья часть «Вилюйского округа Якутской области» содержит 188 стр. крайне разнообразного и ценного материала. Излагать содержание ее мы не беремся—ее нужно прочесть каждому, интересующемуся прошлым якутов и тунгусов; мы приводим ее оглавление: 1) состав и распределение населения Вилюйского округа; 2) жилище и домашняя обстановка населения; 3) пища населения; 4) якутские одежды и уборы; 5) санитарные условия быта и болезни населения; 6) наружный вид и характер вилюйских якутов; 7) семейная жизнь, брачные и погребальные обряды вилюйского населения; кладбища; 8) суеверия и религиозные празднества населения Вилюйского округа. Шаманство; 9) несколько слов об якутском языке и о памятниках народного творчества; 10) сказки; 11) загадки; 12) сельско-хозяйственная промышленность и пр. промыслы населения; 13) скотоводство; 14) якутская лошадь; 15) северный олень; 16) хлебопашество; 17) о зверином промысле; 18) рыболовство; 19) о железном промысле; 20) меры пространства и времени; 21) о торговых оборотах Вилюйского округа (статья бар. Майделя). В приложении помещены 9 таб. рисунков и объяснения к ним. Цветные рисунки великолепно исполнены хромолитографией; про них сказано, что объяснений к некоторым не нашлось в бумагах покойного Р. К. Маака. Таблицы—этнографического содержания.

Г. Пыпин в своей «Истории русс. этнографии» высоко оценивал труды Вилюйской экспедиции. Мы не нашли в иркутских библиотеках других изданий с библиографическими или критическими отзывами о трудах экспедиции, но несомненно, что добытые ею данные, особенно по географии, метеорологии, ботанике, зоологии и этнографии вошли, как неизменная составная данная, в сокровищницу науки.

Семьдесят пять лет, протекавшие со времени этой первой экспедиции Отдела, еще более увеличили ценность ее результатов. В них зафиксирована жизнь в известный исторический момент не только человека, но и природы Вилюйского округа, со времени которого изменились и тот и другая. Мы напоминаем, что Вилюйская экспедиция охватила не всю Якутскую область, а только Вилюйский округ; неисследованность его доказывается хотя бы такой ссылкой г. Маака: «Первым научным исследованием по Н. Тунгуске мы обязаны Мессершмидту, который в 1723 г., поднимаясь вверх по реке, собрал богатые естественно-исторические коллекции и определил 33 местных широты. Сто тридцать лет спустя Вилюйской экспедиции суждено было подвергнуть исследованиям незначительную часть нижнего течения этой реки» (ч. II, стр. 36).

Труды экспедиции до настоящего времени служат источником познания якутской жизни. Прочитывая монументальный труд В. Л. Серошевского «Якуты» (1896 г.), мы везде видим ссылки на труды экспедиции, как на авторитет в якутской этнографии: сообщения г. Маака (что они во многих случаях были плодом коллективной работы и его сотрудников, об этом неоднократно упоминает и сам г. Маак) о флоре, фауне, верованиях якутов почти целиком вошли в труд г. Серошевского. В новейшей работе Е. Д. Стрелова археологического характера «К вопросу о доисторическом прошлом якутов» (Сборник трудов Саха Кескиле, в. III, 1926, май, Якутск) мы также встретили неоднократные ссылки на результаты Вилюйской экспедиции.

Ко времени издания I ч. «Вилюйского округа Як. обл.» (1879 г.) умерли Зандгаген, Фурман, Соловьев и по видимому Павловский; г. Маак, вспоминая этих лиц, закончил введение к I ч. словами: «Не могу не вспомнить еще раз и вас, моих славных сотрудников, сошедших в преждевременную могилу. Вы пали на поле чести, став жертвой ваших благородных стремлений на пользу человечества. Мир праху вашему». С благоговением к личности самого Маака мы скажем—мир твоему праху!

Он умер в 1886 г., не дождавшись выхода в свет последней (III) части трудов своей первой экспедиции.

Однако вернемся к памяти А. Зандгагена. В заседании Отдела 21 января—57 г. было доложено уведомление Москов. Двор. Депутат. Собранин о получении от Отдела 52 р. 82 к. и билета С.-Петербург. сохранный казны на 898 р., принадлежащих умершему подпоручику Зандгагену, для выдачи его законным наследникам, а в заседании 20 февраля о получении для той же цели от Отдела принадлежащих г. Зандгагену различных вещей. Впоследствии Двор. Собрание уведомило Отдел о выдаче того и другого матери Зандгагена Анне Дмитриевне Зандгаген, из чего можно заключить, что Александр Кондратьевич был ее единственным сыном.

Какое лицо скрывается под подписью на памятнике «М. Зандгаген», возобновившее его, вероятно, по ветхости, мы не знаем.

А. В. Попов.

